

**ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
СОСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМ А.Г. ГАГАРИНЫМ**

в апреле 1907 года, ванду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341,
за бездействие власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами и его
помощника по делам общежития

(продолжение. Начало в № 1, 2 за 1999 год)

6 декабря 1906 г.

*Ваше Высочайшее Сострадание,
Милостивый Государь,
Дмитрий Александрович*

Простите, что я сам частным письмом обращаюсь к Вам, но обстоятельства меня к этому побуждают.

Вчера обнаружилось результаты письма к Вам Товарища Министра внутренних дел — Макарова.

В 8 часов 30 минут вечера пристав десного участка Керявленчик ко мне пожаловал и сообщил, что в III общежитии имеет место сходка с посторонними лицами и что он официально просит меня посторонних удалить, иначе им грозит аресты.

Зная, что сходки нет, а есть музыкальная вечеринка, я сообщил пристапу, что после прошлогодних событий многие из наших студентов ходят в шитском платье, что у нас есть волеюдушательницы и гости, имеющие право входа в общежитие. Как полиция их отличит от посторонних — не гостей?

Я пошел в общежитие и слышал, как прекрасный женский голос пел из "Самсона и Далилы". Публика состояла из наших студентов и гостей, пришедших по случаю кануна праздника из эту музыкальную вечеринку, ничего со сходкой общего не имеющей. Общее благодушное настроение я должен был испортить. Я вызвал распорядителя вечера и просил его передать гостям требование пристава. Он это сделал и немедленно публика пошла группами из общежития. Я пошел домой, чтобы сообщить пристапу об этом результате его требования. Но навстречу мне группа идет назад в общежитие и говорит мне, что уходящих арестуют на некотором расстоянии от Института. Я здесь проводить группу до парового трамвая. У ворот вижу полицеймейстера Шалфеева и говорю ему, что пристав грозит арестовать посторонних, не желающих уйти из общежития, а теперь арестуют именно уходящих, иначе говоря, строят западни. Группу, которую я сопровождал, он обещал не арестовывать и послал на извозчике го-

родового с этим распоряжением в арестный пункт (по полицейски "пробку"), устроивший по дороге в Сосновку. Заведывая "пробкой" некий поручик Юнг с вооруженными городовыми. Позади их стояла группа арестованных. Несмотря на распоряжение полицеймейстера, он приказал городовому арестовать одного из моей группы, ничем особенным не отличающегося и обыскать его. Мне было больно видеть, как ни в чем не повинные мелочными беспрекословно полагались незаконному аресту и обыску, безмолвно поднимая руки.

Остальных членов группы я довел до конки и пошел назад. Около "пробки" вижу в синих полицеймейстера Шалфеева, который говорит, что все конечно и что он все полицию уберет. При нем я спрашиваю Юнга: "И так Вы сейчас уходите?" Шалфеев за него отвечает: "Да, теперь все уходит и раз я Вам категорически это говорю, Вы должны верить". И уезжает. Не успев я сделать и нескольких шагов по направлению к дому, как вижу, что Юнг еще одного проходящего арестует и не думает держаться распоряжений начальства. Я вернулся и протестовал. Юнг сообщил, что на мой протест внимания не обращает. Тогда я решился около него оставаться и записывать его деяния. Увидев мою решимость, он устал, сдал, однако, арестованного городовому.

Несколько человек посторонних остались ночевать в общежитии у студентов, потому что боялись западни. Это результат действий полиции совсем никому нежелательный.

Мирное настроение студенчества заменилось приподнятым. Наука уходит на второй план... И все это по поводу предпраздничной музыкальной вечеринки, ничего не имеющей общего со сходкой с посторонними, или, иначе говоря, митингом.

Продолжает ли сотня арестованных гостей страдать — не знаю.

Об изложенном имею честь доложить Вашему Высочайшему Состраданию.

Прошу принять уверение в моем совершенном почтении и уважении.

Князь А.Г. Гагарин

Среди гостей был и некий Морозов, представлявший все зрелые лета в Школовельбургской крепости, писавший там стихи и астрономические объяснения аномалиям. Стихи свои прочел он на этом вечере. О нем я упустил из виду сообщить Философону.

М.В.Д.
С.-Петербург. Градонач. Копия
По канц. Состоян. Г. Директору
Делегации. С.-Петербургского
1 декабря 96 г. Политэкономического
№ 2773. института
(Получено 7 декабря 1906 года в 2 ч. 30 м. дня)

Вследствие распоряжения Г. Министра внутренних дел о несомнении в стенах учебных заведений незаконных сборищ, уведомляю Ваше Святейшество, что, если в стенах аверренного Вам Института будет создано публичное собрание, без предварительного о том заявления, в порядке ст. ст. 1, 5 и 6 Отд. III Временных Правил 4 марта 1906 года о собраниях, то таковое немедленно будет прекращено мерами полиции и в здании Института, в случае надобности, будет введен полицейский наряд.

Подписал: Святы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал-Майор Фон-дер-ЛАУНИЦ.
Скрепил: Управляющий Канцелярией —
А. Викторов.

Фр. Бланк. Копия
Гдек. 96 г. Господыню
№ 3412. С.-Петербургскому
Градоначальнику

Только вчера, 7 декабря, во время заседания Правления, часов около 2 1/2, мне пришлось относительно Вашего Превосходительства от 4 декабря 1906 года за № 2673, предупредить, что если в стенах аверренного мне Института будет создано публичное собрание, без предварительного о том заявления, в порядке ст. ст. 1, 5 и 6 Отд. III Временных Правил 4 марта 1906 года о собраниях, то таковое немедленно будет прекращено мерами полиции и в здании Института, в случае надобности, будет введен полицейский наряд.

Если бы Ваше Превосходительство распорядились о доставке мне сего отношения 4 же декабря, не имело бы место печальное происшествие 5 декабря вечером.

Ввиду изложенного прошу Ваше Превосходительство, в случаях важных сообщений, не оказывать в их быстрой доставке.

Подписал: Директор Князь А.Г. ГАГАРИН.

М.Т. и Пр. Копия
Отдел учебный. эк. № 3906.
Отд. Стол 1. 30 дек. 1906 г.
23 декабря 1906 года
№ 6481. Секретно

Г. Директору С.-Петербургского
Политехнического института

Препровождая при сем выписки из писем Г. Товарища Министра внутренних дел от 15 и 16 текущего декабря, за №№ 15852 и 15856, относительно происходивших в Санкт-Петербургском Политехническом институте незаконных сходок, учебный отдел, по распоряжению Г. Министра торговли и промышленности, имеет честь покорнейше просить Ваше Святейшество сообщить отделу, для доклада Его Высочайшему Святейшеству, Ваши разъяснения по настоящему делу.

Подписал:
Управляющий отделом — Лавров.
Скрепил:
Начальник Отделения — А.В. Михайлов.

За Министра внутр. дел. Копия
15 дек. 1906 г. № 15852. Доверительно
(Философону)

Милостивый Государь,
Дмитрий Александрович

26 ноября в общежитии зашедшего Политехнического института происходило, в присутствии посторонних лиц, чтение рефератов политического характера, причем с участием на собрание явилась входная плата, в размере 35 копеек с каждого посетителя, которых было до 700 человек.

Имеются также данные, что во время подобных собраний в названных учебных заведениях распространяются преступными прокламации партии социалистов-революционеров, призывающие добиваться учредительного собрания в России.

Сообщая об изложенном Вашему Превосходительству, в дополнение к письму от 3 minulшого ноября, за № 14548, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Подписал: Макаров.
Скрепил: за столоначальника — Яковлев.

За Министра внутр. дел. Копия
16 дек. 1906 г. № 15856. Доверительно
(Философону)

Милостивый Государь,
Дмитрий Александрович

В Министерстве внутренних дел поступили сведения, свидетельствующие о продолжении противоправной деятельности в стенах

Санкт-Петербургских высших учебных заведений, состоящих в ведении Министерства торговли и промышленности. 29 минувшего ноября, в III общежитии Санкт-Петербургского Политехнического института состоялась студенческая сходка, в которой присутствовало от 1.500 человек и в том числе около 300 посторонних лиц. 2 сего декабря, в том же помещении производилась сходка, численностью до 500 человек, большинство которых составляли евреи и рабочие. На обеих сходках обсуждались вопросы о религии и подготовке в будущей Государственной Думе революционной силы, в лице имеющих войти в ее состав рабочих и крестьян, с целью добиться передачи крестьянству всей земли. Кроме того, во время означенных сходок, производился денежный сбор на революционные цели и раздавались присутствовавшим прокламации. 5 декабря (об этом я писал Министру 6 декабря 1906 года) в здании названного учебного заведения была организована сходка, при участии также посторонних лиц, причем всех присутствующих было до 500 человек. На этой сходке провозгласили речи крайнего направления, с призывом к насильственному искоренению существующего государственного строя и недопущению Государственной Думы; декламировались стихотворения преступного содержания, пелась революционные песни и провозглашался сбор денег на боевую дружину по 20 копеек с каждого участника сходки, независимо от величин платы в размере 50-ти копеек с человека. Затем, по требованию местной полиции, обращенному к Директору института, собравшиеся на сходку были удалены из здания Института. Причем некоторые из участников собрания были задержаны полицией для удостоверения их личности; таким путем установлено, что на сходке, кроме студентов высших учебных заведений и курсисток, были рабочие, членовник Крестьянского земельного банка и художник.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству, в дополнение к письму от 15 сего декабря за № 15852, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государи, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: Макаров

Скрепил: за Столничальника — Яковлев.

Дир. Бланк.
30 декабря 1906 г.
№ 3624.

Копия
Секретно

(Лагорио) Милостивый Государи,
Александр Благотыич

*Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 23 сего декабря за № 6481, имею честь сообщить, в дополнение к своему

отношению от 29 ноября сего года за № 3330, что, после того 5 декабря 1906 года, произошел концерт в III общежитии, мною описанный в частном письме к Его Высочайшему Превосходительству Г. Министру 6 декабря 1906 года (копия препровождена Вашему Превосходительству).

Во время концерта, Пристав Лесного участка — С.К. Терпелевский (а не Крецелевич, как я ошибочно сообщил) меня просил посторонних лиц с концерта удалить, под страхом ареста, а полицмейстер — М.П. Шафрен удаляемых арестовывал "для удостоверения их личностей", как пишет Г. Товарищ Министра — А.А. Макаров.

Только вслед за тем, т. е. по удовлетворении сих требований Министра внутренних дел, Г. Санкт-Петербургский Градоначальник — покойный В.О. Фондер-Лауниц мне 7 декабря сего года экстренно прислал отношение, от 4 октября 1906 года за № 2673:

"Вследствие распоряжения Г. Министра внутренних дел о недопущении в стенах учебных заведений незаконных собраний, уведомляю Ваше Святельство, что, если в стенах названного Вами Института будет созвано публичное собрание, без предварительного о том заявления в порядке ст.ст. 1, 5 и 6 Отд. III Временных Правил 1906 года 4 марта о собраниях, то таковое будет немедленно прекращено мерами полиции, и в здании Института, в случае надобности, будет введен полицейский наряд", на которое я ответил 8 декабря 1906 года следующим отношением за № 3412:

"Только вчера, 7 декабря, во время заседания Правления, часов около 2 1/2, мне принесли отношение Вашего Превосходительства, от 4 декабря 1906 года за № 2673, предупреждающее, что, если в стенах названного мне Института, будет созвано публичное собрание, без предварительного о том заявления, в порядке ст.ст. 1, 5 и 6 Отд. III Временных Правил 4 марта 1906 года о собраниях, то таковое будет немедленно прекращено мерами полиции, и в здании Института, в случае надобности, будет введен полицейский наряд.

"Если бы Ваше Превосходительство распорядился о доставке мне сего отношения 4 же декабря, не имело бы место печальное происшествие 3 декабря вечером.

"Ввиду изложенного, прошу Ваше Превосходительство, в случаях возможных сообщений не отказать в быстрой доставке их".

Отношение Г. Градоначальника я сообщил студентам 7 же декабря, и с тех пор посторонние лица на рефераты не ходили.

8 декабря, по телефонному ордеру из означенного отделения, пристав Терпелевич опять

явился ко мне, известая, что в III общежитии опять происходит "сходка с посторонними". Сведение у него оказалось ложно: в III общежитии никого посторонних не оказалось.

Подписал: князь А.Г. ГАГАРИН.

М.Т. и Пр. Копия
Управляющий вх. № 21,
Учебным Отделом. 4 января 1907 г.
2 января 1907 г. Секретно

*Милостивый Государь,
Князь Андрей Григорьевич*

Препроводя при сем копия письма Г. Товарища Министра внутренних дел, от 29 минувшего декабря за № 16102, относительно бывшей 10 декабря в помещении III общежития Санкт-Петербургского Политехнического института студенческой сходки с участием посторонних лиц, имею честь покорнейше просить Ваше Снятельство сообщить мне для доклада Г. Министру торговли и промышленности Ваши размышления по настоящему делу. Примите уверение и т.д.

Подписал: Лагорио.

За Министра внутр. дел. Копия
23 декабря 1906 г. Доверительно
№ 16102.

(Философову). *Милостивый Государь,
Дмитрий Александрович*

Санкт-Петербургский Градоначальник представил, что 10 сего декабря в 6 часов вечера пристав Лесного Участка, получив сведения о начале сходки в III Общежитии Санкт-Петербургского Политехнического института, на которую постепенно собирались слушательскими курсов и рабочие, лично явился к Директору названного учебного заведения, прося его принять меры к недопущению собрания. Вследствие сего, Князь А.Г. Гагарин совместно с профессором А.С. Посниковым, отправился в означенное общежитие и по возвращении оттуда заявил приставу, что никакой сходки не предполагается. Между тем, из помещения общежития тогда же вышли около 25 человек рабочих и 10 курсисток.

Сообщая об изложенном, в дополнение к письмам от 15 и 16-го сего декабря за № 5852 и 15856, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в зависящих распоряжениях к принятию Директором названного Института энергичных мер по охранению внутреннего порядка в стенах вверенного ему учебного заведения.

Примите и т.д. — Макаров. Верно: Явочский.

7 января 1907 г. № 14. Копия
(Лагорио).

*Ваше Превосходительство
Милостивый Государь,
Александр Евгеньевич*

На отношении Вашего Превосходительства, от 2 января 1907 года, имею честь сообщить, что пристав Лесного участка Терпелевский действительно у меня был 10-го, а не 8-го декабря, как я ошибочно донес Вашему Превосходительству 30-го декабря 1906 года, за № 3624. Он сомневался в имевшихся у него сведениях о сходке с посторонними в III общежитии и потому просил меня с профессором В.И. Станевичем (а не Посниковым, как пишет А.А. Макаров 23 декабря 1906 года за № 16102) посмотреть, имеется ли сходка. Мы пошли в III общежитие и убедились, что чайная зала пуста и темна, что сходки нет, о чем и сообщили приставу. Очевидно, что 25 рабочих и 10 курсисток, упомянутые в письме Товарища Министра внутренних дел Макарова, были в гостях у студентов, которых живет у нас до 1.100 человек.

Усмысливая из сообщенной мне Вашим Превосходительством переписки, что пристав Терпелевский вносит сомнения относительно моей правдивости, я считаю себя вправе надеяться, что Его Высочайшее Превосходительство Г. Министр торговли и промышленности признает и справедливый и своевременный настоять перед Г. А.А. Макаровым на немедленном переводе пристава Терпелевского в другой участок".

Примите и пр..... Подписал: Князь
А.Г. ГАГАРИН.

По слухам, где обысков не было, только в Технологическом институте ничего не нашли. Говорят, Охранному отделению был сделан выговор с предупреждением, что, если они сделают обыск в другом высшем учебном заведении и ничего не найдут, все будет уволено без прошений. В течение целой зимы производились грандиозные обыски, причем в Институтах путей сообщения и Электротехническом были найдены в большом количестве взрывчатые вещества и арестованы и привлечены к ответственности студенты этих институтов (Финк и др.). Поэтому по простой теории вероятностей у нас обыска ожидали, старые революционные брошюры разли, новых давно не покупали, надоели. Главное — занимались.

Обыск 18 февраля 1907 года.

В 6-м часу утра, 18 февраля, я был разбужен студентом Струнниковым, который говорил: сжал с бала и на пути обогнал

1000—1500 вооруженных городовых, направляющихся в институт.

Я наскоро оделся, разбудил профессора — заведующего студентами — В.И. Станевича, и пошел к I общежитию. Как я узнал впоследствии, в мое отсутствие ко мне на квартиру приходил полицеймейстер Шалфеев.

Я нашел все три здания общежития уже оцепленными конными городовыми, а пешие при мне входили колоннами на территорию Института. Вооружены они были винтовками и револьверами. Некоторые несли ручные электрические и масляные фонари, другие несли за спиной панцири, лопы и щиты.

Я шел рядом с Г. Статковским — чиновником охранного отделения. Он повел полицию мимо Главного здания к I общежитию. В главное здание он выпустил несколько человек, которые овладели центральной телефонной станцией. В общежитие он не пускал тех многих студентов, которые стояли на улице, говоря, чтобы никто, кроме полиции, не входил. Вслед за городовыми в здание I общежития вошел и я. Встретившимся группам студентов я рекомендовал беспрекословное подчинение полиции и корректное поведение. Я быстро догнал Статковского, который, поднявшись на третий этаж, в коридоре снял пальто, повесил на окно, вынул револьвер и переложил его в форменный курток. Вслед за тем, он вошел в одну из двойных студенческих комнат, спросил имена, отчества и фамилии у обоих студентов, там находившихся, и перешел в другую комнату. В длинном коридоре у каждой комнаты двери были раскрыты, и в дверях

сидел городовый с винтовкой. Панцирей и щитов никто не надевал. Во второй комнате, тоже двойной, студентов было пять-шесть. Статковский записал владельцев комнаты и спросил, почему в ней оказались обитатели соседних комнат. Видя, что опрос идет мирно и обыска не производится, я вышел на улицу и, встретив полицеймейстера Галле, спросил у него ордер Охранного отделения. Он меня направил в III общежитие, где находился полицеймейстер Шалфеев, руководивший обыском.

На пути туда я обогнал отряд городовых и спросил одного из них, почему у него лом или то, что я принял за лом, завернут в бумагу и обвязан веревочкой, но ответа на вопрос не получил. Не помню ясно, но кажется, что некоторые несли и панцири, завернутыми в бумагу. Г. Шалфеева я нашел в одной комнате, где перевертывали матрац, раскрывали гоговально, словом, весьма тщательно обыскивали. У меня и в голове до тех пор не было подозрения, что полиция может себе позволить провокацию. Но тут... Реагируй мой мозг скорей, я должен был сейчас же распорядиться, чтобы осматривали полицию, с чем она приходит. Мы вышли в коридор и тут Г. Шалфеев, не выпуская ордера из рук, дал мне его прочитать. В ордере предписывалось обыскать три комнаты, номера которых я и записал, а именно: № 140, 450 и 75, и, кажется, еще две комнаты без указания номеров, но где жили поименованные в ордере два студента, имен которых я не разобрал и до сих пор не знаю. В остальных комнатах разрешалось, кажется, только арес-

Обыск на территории института. Февраль 1907 года

товать лиц, не пропавших и посторонних Институту. Когда я заметил Г. Шафрееву, что в комнате, откуда мы вышли, обыска не полагалось, а он производился, он ответил: "Это не обыск, а осмотр". "А отчет, — спрашиваю, — у вас понятий нет? Из институтского персонала Вы никого не приглашаете присутствовать при обыске?" Шафреев ничего не ответил.

Затем, когда мы с ним вышли на улицу, тут находился полицеймейстер Галле, а потом прибыл и ротмистр Комиссаров. Он пришел осмотреть несколько предметов, выброшенных, по словам присутствовавшей полиции, из IV этажа в ее сторону. Этими предметами были: чугунный шар с запялочком, какие идут для украшения садовых изгородей, делаемых из старых газовых труб, причем отверстие замкнуто деревянной пробкой; далее чугунный цилиндр, надрезанный пополам; черная цилиндрическая картонка с медными частями и приклеенным шнуром, имевшая более страшный вид, но по весу настолько легкая, что, как я полагаю, она была пуста. Схляпочка со старой почерневшей серной кислотой. Быть может, были еще один или два предмета. Полиция, как говорила, видела окно, откуда все это было выброшено и уже входила в соответствующую комнату. Я вошел в некоторые препирательства с Г. Галле, спрашивая, "Отчего Вы оцениваете Институт и приступили к обыску, не предупредив меня?". Он достал у ближайшего околоточного текстотрафированное распоряжение и показал мне из него последний пункт, в котором предписывалось сперва оценить здания общежития, а потом уведомить учебное начальство. Тогда я спросил, почему обыскивают, когда этого в порядке нет. Мне Галле ответил (а после и Г. Комиссаров повторил), что раз найдены недопустимые предметы в одном помещении, закон разрешает обыск в других помещениях.

С несколькими околоточными я пошел в комнату № 923, откуда упомянутые выше предметы, по словам полиции, были выброшены, и нашел там преспокойно сидящего на стуле молодого человека. "Как Вас зовут, — спросил я, — и наш ли Вы студент?" "Фамилия моя — Николаев и я не студент", отвечал он без всякого волнения, не как человек, которому грозит серьезная ответственность. На подоконнике и рядом на шкафу находились разные предметы: на одном было крупными буквами написано "ручная граната"; видом эллиптический цилиндр с ремешком и запальным круговым картонным цилиндром, стиснутый к одному боку, из которого торчал передаточный фитиль; далее связка бездымного пороха, биффоров шнур и отдельные запальные кар-

тонные цилиндры и другие части несобранных ручных гранат. Чины полиции снесли найденные предметы вниз и туда в вестибюль привели Николаева, где затем ротмистр Комиссаров его допрашивал. По словам Комиссарова, Николаев ему сообщал, что он уфимский рабочий, и назвал фамилии студентов, пустивших его в пустую комнату. В это время Комиссаров мне сообщал, что в I общежитии найдены три маузеровских ружья, обернутые в бумагу и связанные веревочкой. Насколько я мог видеть через надорывы бумаги, получил впечатление, что ружья не маузеровские, а буцафорские. Приклады, крытые черным лаком, старые трепанные; каналы малокалиберные, неодинакового калибра, дульца изношенные донельзя, затворы как будто пробного, нераспространенного типа, времян, предшествующих введению в войска образца Бердана № 2. Заведующий студентами — профессор В.И. Ставевич заявляет, что в 7 часов утра, когда каждая комната охранялась городовыми, он входил в гостиную второго этажа I общежития и там ничего не видел, а в 9-м часу полиция нашла там эти ружья. Принимая во внимание, что ни один студент не мог из своей комнаты двинуться, трудно понять, как могли ружья попасть в гостиную. Одни чины полиции говорили, что ружья лежали в фортепьяно. Но ружья были длинные, а связка их прикладами прозв была еще длиннее и в фортепьяно не помещалась. Другой чин полиции утверждал, что ружья были найдены на двух стульях. Об оболочках бомб, найденных в комнате № 140 у студента Буянова, и о которых говорилось потом, я услышал лишь после обыска. По наведенным затем справкам, я узнал от товарищей Буянова, что последний еще накануне вечером уехал в город, сдав своему товарищу ключ от комнаты. Самый обыск производился так: старший чин полиции вызвал коридорного Емельяна Андреева, предъявил ему три фотографии, среди которых Андреев опознал картинку Буянова, после чего ему велено было уйти. Обыск производился в отсутствие служителя Андреева, при участии городовых, но без понятий. После обыска служителя Андреева опять позвали и приказали подписать протокол, что он и сделал, не читая.

В III общежитии в столовой первого этажа были собраны арестованные посторонние лица: всего было 8 мужчин и 6 женщин. Николаева тут не было. В эту залу, без приглашения, но и без препятствий со стороны полиции, вошел я, заведующий III общежитием — Д.Д. Уструтов и смотритель зданий — Ф.Ф. Прохоров. Потребовав бумаги, полиция записывала имена арестованных, высматривала коридор-

ных служителей, обслуживающих комнаты № 140 и 923, допрашивала их, составляла протоколы и заставляла арестованных и коридорных их подписывать, но ни меня, ни Устругова, ни Прохорова не приглашала к участию в составлении протокола и в его подписании.

Через толпу студентов, стоявших на лестнице, сверху спускался отряд городских, окончивших обыск. Студентам было решено пустить на улицу, когда вся полиция будет выведена с территории Института.

Я с Комиссаровым перешли на площадь перед первым общежитием и от него я слышал, что студенты вели себя весьма корректно и что ни один из них не арестован. Он мне говорил, что его радует, что обыск так гладко проходит. После 12-ти часов разнесся слух, что несколько ящиков с ружьями найдены на чердаке I общежития. Когда, узнав о том, туда намеревались проникнуть два члена Правления — М.А. Шателен и В.И. Станевич, то полиция не допустила их. Осведомясь о происшедшем, я тоже отправился туда, и, проходя через столовую III этажа, слышал околочного, единственную — двух студентов на околочного, который при Г. Шалфеве их толкнул в грудь, обругал и ушел. Когда я выходил на чердак, городские не хотели меня впустить, но я назвал себя и они пропустили.

Как оказалось, полиция достала ключ у коридорного, открыла дверь на чердак и этия испортила замок, взломала 3 двери налево от входа на чердак и, как одному из пожарных сообщил участвовавший в производстве обыска околочный надзиратель, в двух помещениях между ними, нашла все те предметы, которые она перенесла на правую часть чердака. Туда меня и направили. Прежде всего я увидел пять новых маузеровских ружей и околочных городского... Я пошел дальше и нашел посреди чердака городского, стерегшего прикрытую тряпкой бомбу цилиндрической формы 3-двойного калибра. Один срез бомбы не был прикрыт, он был никелирован. Я подумал: ни новая ли это полевая шрапнель. Но руками, через тряпку, я убедился, что другой срез снаряда тоже плоский. Недалеко отсюда я видел положенные на вентиляционный канал различные предметы: открытую коробку с завернутыми в тонкую бумагу трехгранными палочками, которые чины полиции называли широксадиновыми шашками. Другой предмет, которого я не рассмотрел, они назвали бомбой. Наконец, меня с группой околочных, один чин полиции, имевший масляный фонарь в руке, повел по краю чердака и показал тряпки, под которыми находились какие-то пред-

меты. Тряпки можно было заметить, если перепнуться и смотреть за трубу водяного отопления, изолированную в деревянном ящике. Все присутствующие боялись лежавших под тряпками предметов, называли их взрывчатыми веществами и бомбами, но и сам показывавший даже не поднимал тряпок. На Статковского, ни Комиссарова я не встретил на чердаке, я вернулся на площадь перед I общежитием; вскоре я увидел, как Комиссаров уезжал на автомобиле с тремя другими лицами, часу во втором дня ушла и вся полиция.

В изнеможении я лег спать и не дождался тут же сообщить Г. Министру о случившемся. На следующее утро я добился его сына по телефону. Министр уезжал в Царское на доклад к ГОСУДАРЮ, долго не подходил к аппарату, а когда подошел, кто-то перебил разговор, который мне удалось восстановить лишь после отъезда Г. Министра на вокзал. Сын его обещал туда дозвониться, но не дозвонился. На докладе у ГОСУДАРЯ Г. Министр не знал о случившемся в Институте и не мог ответить на вопрос ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Лишь 20-го февраля, в 7-м часу вечера, когда Г. Министр вернулся из заседаний Государственной Думы и Государственного Совета, я доложил ему о случившемся. На вопрос Его Высочайшего ходительства, как я полагаю бы возможным привести в порядок дело общежитий, я сказал, что полагаю бы полезным месяца три до конца занятий сохранить существующее положение вещей, стараясь не дать повториться тому, что было, а летом отгородить общежития заборами от остальной территории Института. С осени Министерство могло бы сдать общежития в аренду специалисту по управлению громадными гостиницами, так как трудно таким улеем ведать директору, профессорам и преподавателям, имеющим свою работу как и указывалось многими С.Ю. Вите еще до постройки общежитий. Затем можно бы объявить дачевладельцам Лесного, что через 2-3 года общежитиям будут даны учебно-вспомогательные назначения. Частные предприниматели настроит теплые, замные дачи для студентов и их жизнь потечет в общечеловеческих условиях. Министр сообщил, что, "вернувшись домой, вероятно, найду у себя подписанное им 19-го предложение", на которое просил скорее прислать письменный ответ.

Занятия у студентов продолжают идти с большим напряжением.

Прохоров докладывает, что пожарные каждую ночь осматривали чердаки, но только в пожарном отношении и никогда ничего взрывчатого не искали и не замечали. Теперь

они смотрят. Ключи от чердаков имеются и у служителей Электрической станции и отопления.

В заседании Совета, от 1 февраля 1907 года положили:

1. Так как никто из учебного начальства Института не участвовал в составлении протокола полиции и даже не видел его и так как Совет считает необходимым иметь сей протокол в видах установления несомненных фактов, происходивших при обыске, то поручить Г. Председателю войти с ходатайством перед Его Высочайшепревосходительством Г. Министром торговли и промышленности о доставлении копии названного протокола.

2. Поручить Правлению выяснить все дело об обыске во всей его полноте, войти в рассмотрение вопроса, не требуются ли какие изменения в положении общежития и представить Совету без замедления свое по этому предмету заключение.

В заседании Совета от 25 февраля 1907 года:

Слушали: Предложение Его Высочайшепревосходительства Г. Министра торговли и промышленности Г. Директору Института, от 24 февраля сего года за № 1014, нижеследующего содержания:

“Предложением от 19-го текущего февраля за № 971 мною были запрошены от Вашего Святельства объяснения по поводу обнаруженных обыском 18-го сего февраля фактов нахождения в зданиях общежития вверенного Вам Института взрывчатых веществ, оружия и прокламаций, а равно проживания в тех зданиях посторонних лиц. Вместе с тем, я предлагал Вам, Милостивый Государь, довести мне о том, какие меры приняты Вами и Советом Института для обеспечения спокойствия в Институте и общежитии во исполнение лежащих на Вас и Совете обязанностей.

Представлением от 23 февраля за № 568 Вы доноситесь мне, что Совет Института находит необходимым, в видах установления несомненных фактов, происходивших при обыске, иметь полицейский протокол такового, почему Совет поручил Вам ходатайствовать перед мною о сношении с Министром внутренних дел на предмет доставления Вам копии такового протокола.

Таким образом, Вы не представляете мне ни тех объяснений, кои были от Вас потребованы, ни тех сведений, которые я нахожу необходимым иметь, а по-видимому желаете лишь дать разъяснения по полицейскому протоколу, каковых в настоящее время я от Вас пока не спрашиваю.

Вследствие сего, вновь предлагаю Вам, Милостивый Государь, не ожидая получения про-

токола, представить мне, не позже понедельника, 26-го текущего февраля, Ваши, как лица, коему вверено ближайшее попечение об охранении порядка в учебном заведении, коего Вы состоите Директором, объяснения по поводу обнаруженного обыском 18-го февраля, а также подробное донесение о том, какие меры были принимаемы Советом института, Правлением его, а также непосредственно Вами до 18-го февраля, в целях сохранения в помещенных общежитий порядка и спокойствия и какие меры приняты Вами, Советом и Правлением после того, как сделано известно Вам о хранении в общежитии взрывчатых веществ, оружия и прокламаций и о проживании в оном посторонних Институту лиц”.

В объяснение вышеизложенного Г. Председатель — Князь А.Г. Гагарин сообщил, что, исполняя постановление Совета от 21 февраля с.г., он вошел к Его Высочайшепревосходительству Г. Министру торговли и промышленности от 23 февраля сего года за № 568:

“В дополнение к сделанному мною 20 февраля устному докладу и во исполнение полученного мною затем предложения Вашего Высочайшепревосходительства, от 19-го сего февраля за № 971, честь имею сообщить, что 21 февраля мною было созвано собрание Совета, коему я также доложил о всем, что мне стало известно относительно произведенного 18-го февраля обыска общежитий.

Так как никто из учебного начальства не участвовал в составлении протокола полиции и даже не видел его, то Совет института, находя необходимым, в видах установления несомненных фактов, происходивших при обыске, иметь сей полицейский протокол, поручил мне войти с ходатайством перед Вашим Высочайшепревосходительством о доставлении копии названного протокола. Одновременно с сим Совет поручил Правлению института выяснить все дело об обыске во всей его полноте, войти в рассмотрение вопроса, не требуются ли какие-нибудь изменения в положении общежития и представить ему без замедления свое по этому предмету заключение.

Сообщая о вышеизложенном, честь имею просить Ваше Высочайшепревосходительство сделать распоряжение о сношении с Г. Министром внутренних дел на предмет доставления мне копии протокола обыска, произведенного 18-го сего февраля в общежитии Санкт-Петербургского Политехнического института”.

Далее, Г. Председатель — Князь А.Г. Гагарин доложил, что Правление института, исполняя возложенное на него поручение, представляет Совету нижеследующее свое заключение:

“Правление, в заседании 22-го сего февраля, вошло в подробное рассмотрение обстоятельств, сопровождавших обыск, произведенный в общежитии Института 18-го сего февраля. В дополнении к сделанному Директором в заседании Совета 21-го сего февраля докладу, Правление имеет честь сообщить Совету следующее:

1) Ни Директор, ни другие лица административного персонала не были приглашены присутствовать при производстве обыска в общежитии; а когда во время обыска на чердаке два члена Правления выразили полиции желание присутствовать, то им было в том отказано. Поэтому Правлению пришлось ограничиться сведениями, собранными частным путем.

Из этих сведений выяснилось, что при обыске оказались печатные издания, несколько ружей, металлические и картонные оболочки, причем в некоторых из них, по заявлению полиции, находились взрывчатые вещества. Были также обнаружены посторонние лица в помещениях общежития. Правлению не удалось установить в точности, какие именно печатные произведения были арестованы, но, по достоверным многим сведениям, по крайней мере часть этих произведений принадлежала к разряду тех, которые Сенатом были разрешены к обращению. Правление также не могло выяснить, каким образом на чердаки могли попасть и там быть скрыты: оружие и взрывчатые вещества; чердаки, по которым проложены вентиляционные каналы и электрические провода, находятся постоянно закрытыми и осматриваются ежедневно дежурными пожарными, которые ничего подозрительного при этих осмотрах не замечали.

По вопросу о нахождении в общежитии посторонних лиц, Правление считает нужным отметить, что правила, запрещающие посторонним лицам ночевать в общежитии, существуют и всеми мерами приводятся в исполнение, но безусловное их соблюдение едва ли представляется достижимым при той массе (около 1.000 человек) студентов, которые в настоящее время проживают в общежитии. Переход, в частности, к Николаеву, называвшему себя уфимским рабочим, который по гласным сведениям, прожил будто бы 12 дней в общежитии, то, по собранным Правлением данным, это не соответствует истине: в действительности Николаев мог незаметно для наблюдающих переночевать два раза или три в общежитии. Не отрицая возможности нарушения правил, в виде случаев отдельных ночевок, Правление считает невозможным, при установленном надзоре, сколько-нибудь продолжительное проживание посторонних лиц в помещениях общежития.

Тем не менее, стремясь всеми возможными мерами обеспечить на будущее время правильный ход жизни в общежитиях, Правление сделало распоряжение о принятии по отношению к ним следующих мер:

а) установить особо тщательный надзор за соблюдением правил общежития и, в частности, правила, запрещающего посторонним лицам ночевать в общежитиях;

б) производить возможно тщательнее и чаще осмотр чердаков, подвалов и других нежилых помещений, а также следить за тем, чтобы они были постоянно закрыты.

2) По вопросу о том, не требуются ли какие изменения в правилах пользования общежитиями, Правление полагало бы, что в настоящее время подобные изменения представляются едва ли целесообразными”.

После обмена мнений Совет по существу заслушанных предложений Г. Министра торговли и промышленности Директору Института и докладу Правления пришел к нижеследующему заключению:

1. Совет поручил Г. Директору войти с ходатайством перед Министром о доставлении полицейского протокола об обыске в общежитии ввиду того, что Директор и профессор — заведующий студентами, как лица случайные свидетели некоторых моментов обыска, не могли узнать очень многих подробностей о происшедшем и наблюдать во время обыска 18 февраля.

2. По вопросу о том, какие меры были принимаемы Советом института и Правлением его до 18-го февраля в целях сохранения в помещениях общежития порядка и спокойствия, Совет считает необходимым отметить, что еще при первоначальном обсуждении вопроса об учреждении общежития обращалось внимание на то, какие затруднения могут возникнуть для администрации Института при надзоре за таким многолюдным помещением; когда же, несмотря на то, общежитие было открыто, Совет выработал для пользующихся общежитием правила, каковые были своевременно утверждены Г. Министром. В пределах этих правил директор Института и профессор — заведующий студентами усердительно следили за соблюдением порядка и спокойствия в общежитии. Сложность и трудность надзора при значительном скоплении проживающих студентов на деле приводила к тому, что некоторые нарушения правил могли ускользнуть от внимания администрации; те же из них, которые обнаруживались, влекли за собой всякий раз назначение винованных виновными. При обязанности для студентов проживания в общежитии затруднения встречались лишь в тех

случаях, когда приходилось прибегать к такому вынужденно, как запрещению проживать в общежитии, с чем неизбежно связывалось удаление виновного из Института. Отчасти, ввиду этого неудобства, а также руководствуясь и иными соображениями, в свое время представленными Г. Министру, Совет признал целесообразным предоставить студентам право проживать и на частных квартирах, что и было утверждено Г. Министром. Но так как и после того количество проживающих в общежитии не убавилось, то те или иные отступления от права продолжали наблюдаться. Так, между прочим, в конце 1906 года Товарищ Министра внутренних дел и Градоначальник обращали внимание администрации Института на имеющиеся в помещениях общежития собрания посторонних лиц. Хотя эти указания не всегда подтверждались, но то, что имело место, немедленно устранялось принятыми администрацией Института мерами. Во всяком случае, наблюдавшиеся до последнего времени нарушения не внушали настолько серьезных опасений, чтобы возбудить вопрос о каких-либо существенных изменениях утвержденных для общежития правил.

3. Таким Совет вошел в рассмотрение вопроса "какие меры приняты Советом и Правлением после того, как сделалось известным о хранении в общежитии взрывчатых веществ, оружия и прокламаций и о проживании в оном посторонних Институту лиц".

Заслушав доклад Правления и еще раз убедившись в том, что и по дополнительным собранным Правлением сведениям нельзя составить определенного представления о подробностях обыска, Совет считает необходимым возобновить свое ходатайство о доставлении полицейского протокола и вкратце присоединяется к заключениям Правления, изложенным в его докладе.

Вместе с тем, Совет полагал бы, что общежитие должно быть сохранено, как ввиду удаленности Института от города и неудобств сообщения с ним, так и по отсутствию в окрестностях института достаточного количества частных помещений для студентов. Рассчитывать, что эта потребность будет в надлежащей мере удовлетворена частью предприимчивостью в скором времени, едва ли возможно.

А потому, при данных условиях, в интересах учащегося юношества и успехов преподавания, администрация Института должна и впредь нести огромное бремя наблюдений за обширными помещениями общежития. При всем стремлении поддержать в них порядок и спокойствие, Совет не в силах однако принять на себя полного руководства в том, что в жи-

ви общежития не может произойти каких-либо нежелательных явлений, тем более, что даже органы общей администрации, обладающей огромными силами и средствами, часто не могут оградить безопасность отдельных лиц и учреждений.

В заключение Совет считает необходимым засвидетельствовать, что вышесказанные нарушения установленных правил происходили в помещениях студенческого общежития и ни в какой степени не касались учебных занятий Института. Порядок и спокойствие в самом Институте в течение всего текущего года ни в каких отношениях нарушены не были, и учебная его жизнь, несмотря на тревожные условия переживаемого времени, протекала нормально и не вызвала необходимости в принятии каких-либо особых мер.

На следующее утро после обыска — с понедельника — занятия возобновились и велись самым спокойным образом, что доказывает, что масса студенчества в массе было очень далеко от революционного настроения. Их только беспокоило: "Что будет с общежитием?"

28 февраля я председательствовал в Соединенном собрании технических отделений. Уже было рассмотрено 4 из 10-ти вопросов о правилах приема в студенты в предстоящую осень, когда мне принесли большой конверт со следующей бумагой:

М.Т. и Пр.	Директору
Отдела учебный.	Санкт-Петербургского
Стол 1.	Политехнического
28 февраля 1907 г.	института —
№ 1121	действительному
	Статскому Советнику
	Князю Андрею Григорьевичу Гагарину

Письмом от 25-го текущего февраля за № 2981, зам. Министра внутренних дел, Товарищ Министра, Действительный Статский Советник Макаров сообщил мне о том, что ввиду неоднократно поступающих в Санкт-Петербургское охранное отделение сведений, что общежитие студентов Санкт-Петербургского Политехнического института служит пристанищем для лиц, принадлежащих к революционным организациям и проживающим нелегально в Санкт-Петербурге, 18-го сего февраля в помещении упомянутого общежития был произведен обыск, причем задержано 26 лиц, большинство которых оказались безусловно нелегальными. Сверх того, означенным обыском обнаружено одиннадцать наименований бомб, значительное количество изданий партий социал-демократов-революционеров, печать "Рабочего Комитета Выборгской стороны

партии социалистов — Революционеров”, несколько пачек динамита, два куска биффордова шнура, коробка с сотней капсул для запала, девять винтовок и одна ширококалиберная шапка.

Вашему Святельству, как Директору Санкт-Петербургского Политехнического института, было вверено, на основании § 4 устава обихажития для студентов Санкт-Петербургского Политехнического института, утвержденного Г. Министром торговли и промышленности 6-го ноября 1906 года, главное управление обихажитием, следовательно, Вы были обязаны заботиться принятием надлежащих мер к тому, чтобы обнаруженные полицейским обыском факты не имели места и должны были неослабно наблюдать за служащими во вверенном Вам Институте лицами к исполнению лежащих на них обязанностей.

Усматривая причину происшедшего в том, что Вами не был исполнен лежащий на Вас служебный долг и не были приняты все необходимые меры, коими Вы могли предупредить или остановить указанные в письме Товарища Министра внутренних дел злоупотребления и беспорядки и через то предохранить вверенную Вашему Святельству часть, я нахожу, что с Вашей стороны было допущено предусмотренное статьей 1086, о наказ. уголов. и исправит. (Св. зак. Т. XV, изд. 1885 г.) противозаконное бездействие власти.

Находя в изложенном основании к привлечению Вас к ответственности в судебном порядке, я, предварительно передавши дела Судебному Следователю, на основании ст. 1089 уст. уголов. судопроизводства. (Св. зак. т. XVI, изд. 1892 г.), сообщаю Вам о предметах обвинения и, руководствуясь статьями 1086, 1100 того же устава, предлагаю Вам представить мне не позже 5-го марта сего года Ваши объяснения о том, какие меры были приняты Вами в целях охранения порядка во вверенном Вам Институте и для надзора за подчиненными Вам лицами до 18-го февраля сего года и какие меры Вы признали нужными принять после сделанных Вам известными результатов обыска”.

Подписал: Министр торговли и промышленности — *Философов*.

Скрепил: Управляющий Отделом — *Лавров*.

Я прочел бумагу и продолжал вести заседание. Но отчего Философов меня не вызвал раньше, отчего меня суду предал?

Деканам Философов признался, что сильное давление его принуждало предать нас суду. Но почему имеет место это давление? Очевидно, со стороны Столыпина? Что его настроило? Не к чести

это сказать, вера словам пристава Терпелевского и агентов охранного отделения, когда он меня давно звал и должен был бы мне больше верить: во-первых, как Директору, которому вверен Институт, во-вторых — как Андрею Гагарину, который независим и никогда не лгал.

Я прочел бумагу и продолжал вести заседание. Прошло не более 10–15 минут, приносит вторую бумагу:

Министр торговли
и промышленности.

*Милостивый Государь,
Князь Андрей Григорьевич*

“Председатель Совета Министров Гофмейстер Столыпин передал мне **ВЫСОЧАЙШЕЕ** повеление о немедленном увольнении Вас от службы.

К сему Гофмейстер Столыпин присовокупил, что степень Вашей виновности в деле хранения в Санкт-Петербургском Политехническом институте бомб должна быть выяснена установленным законом путем.

О таком **ВЫСОЧАЙШЕМ** повелении, сообщенном, вместе с ним, к исполнению Главноуправляющему Собственно Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярней, имею честь уведомить Ваше Святельство.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном уважении и преданности — *Философов*”, № 1530. 28 февраля 1907 года.

Я положил бумагу и задумался. Сосед мой — профессор М.А. Шаляпин — с моего разрешения, встал, прочел ее и просил собрание меня уверить. Я сказал, что преклоняюсь перед волею ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, покидая заседание и прошу старшего его продолжать. Продолжать все отказались, заседание закрылось. Я ушел домой оповестить своих.

Газеты всего мира развозили, что Князь А.Г. Гагарин “*dehonored*” за то, что разрешил в Институте бомбы хранить. Благосклонные консерваторы уверены, что я в лучшем случае — пассивно участвовал в деле бомб.

Радикальная молодежь России, не знающая меня, готова меня принять своим знаменем. Но дороги мне: 1) мнение товарищей — членов Совета; 2) мнение младших преподавателей и 3) мнение моих студентов, знавших и любивших меня совершенно помимо вопросов политики. Возмущение в них вызвало Правительство, а успокоил их я. Как это ненормально. Я всячески старался и убеждал студентов не делать по этому случаю забастовки, а работать. Все говорят, что, благодаря лишь одному мне, все прошло гладко и занятия возобновились.

Все студенты, без различия партий, снислись со мною в группах и поднесли мне адрес за личными подписями, в котором, между прочим сказано:

"От лица студентов Санкт-Петербургского Политехнического института мы высказываем Вам, Глубокоуважаемый Андрей Григорьевич, чувства самой искренней привязанности, глубочайшего уважения к Вам. Как гуманному сердечному человеку, и выражая горячее пожелание о Вашем дальнейшем участии в учебной деятельности Института, приносим нашу искреннюю благодарность Вам, как ГЛАВЕ того учебного заведения, в котором многие из нас пережили вместе с Вами много и тяжелых, и радостных дней в последние годы, столь богатые событиями.

Все ненормальности в ходе академической жизни, все столкновения с администрацией, являвшиеся отголоском общерусских событий и не раз грозившие существованию Института и безопасности студентов — все они проводили сравнительно благополучно в значительной степени благодаря Вам и Вашей самоотверженной заботливости об Институте и студентах. Отдавая всего себя на служение своему делу, в своих пожеланиях о студентах Вы не ограничивались одной только академической сферой, но приходили к ним на помощь во всех трудных случаях жизни и делали для них все, что могли.

Глубокоуважаемый, дорогой Андрей Григорьевич. Вы любите свое дело. Вы любите тех, на заботу о которых положили столько энергии и трудов — и мы, студенты, платим Вам единственным, чем можем: горячей привязанностью, благодарностью. С Вами будут связаны одни из лучших воспоминаний о наших студенческих годах, и память о Вас, как о светлой личности, никогда не изгладится в Санкт-Петербургском Политехническом институте".

Преподаватели Санкт-Петербургского Политехнического института написали мне следующее:

"Преподаватели Санкт-Петербургского Политехнического института, глубоко потрясенные таким чрезвычайным событием в жизни института, как увольнение пользовавшегося общим уважением Директора Князя А.Г. Гагарина, считают своим нравственным долгом выразить ему свое горячее сочувствие по поводу постигшей его незадуманной кары и заявить о полной с ним солидарности в деятельности его, как представителя Института по устройению академической жизни на основанной нравственного авторитета преподавательской коллегии и доверия к студенчеству".

Совет института избрал меня своим почетным членом и сделал следующее постановление:

Председатель Совета
СПб. Политехнического инст.
4 марта 1907 г. № 109.

*Милостивый Государь,
Князь Андрей Григорьевич.*

"В заседании Совета С.-Петербургского Политехнического института, 3-го сего марта, Вы единогласно были предложены кандидатом на должность директора Института.

Сообщая об изложенном, Прошу Ваше Сиятельство не отказать уведомить меня, согласен ли Вы подвергнуться баллотированию на должность директора Санкт-Петербургского Политехнического института.

Прошу и проч. — *Позышев*".

Выписка из журналов № 9, 10, 11 заседаний Совета С.-Петербургского Политехнического института от 3, 5 и 21-го марта 1907 года.

"Ст. 1. Заслушав доклад Г. Временно исполняющего обязанности Директора института, Совет, в качестве высшего органа управления Институтном, считает своим долгом высказать нижеследующее по поводу возыскания, примененного к Князю А.Г. Гагарину до судебного расследования.

При современных условиях общественной жизни России, управляемой на всем ее пространстве исключительными законами, невозможно предъявлять к ходу академической жизни требования, рассчитанные на нормальные условия.

Совет Санкт-Петербургского Политехнического института неоднократно указывал это в своих представлениях к Г. Министру. При том же мнении Совет остается и ныне.

Независимо от сказанного, необходимо иметь в виду, что управление Санкт-Петербургским Политехническим институтом чрезмерно усложняется существованием при нем обширных объектов, в которых проживает свыше 1.000 студентов, размещенных по отдельным комнатам. Совместная жизнь столь значительного числа молодых людей делает невозможным, как предупреждение неизбежных в таких условиях отдельных отступлений от установленных правил, так даже и раскрытие всех происходящих случаев их нарушений; по самому существу своему высшие учебные заведения не располагают и не могут располагать всеми необходимыми для того средствами.

Поэтому совершенно неправильно возлагать на представителей высших школ ответственность за события, подобные тем, какие изоблачаются, к сожалению, повсеместно в нашем отечестве и не могут быть устранены даже правительством, вооруженным всей полнотою исполнительной власти.

Между тем, именно по поводу общераспространенных фактов, обнаруженных, по сведениям полиции, в общежитиях при обыске 18-го февраля, к директору Санкт-Петербургского Политехнического института применена мера возмещения чрезвычайная и суровая по тем последствиям, которые она влечет за собой. Тягость означенной меры, ввиду предстоящего привлечения Князя А.Г. Гагарина к судебной ответственности, усугубляется еще и тем, что, предвещая заранее виновность его, она стеснит суд в особенности в том случае, если судебное разбирательство приведет судей к убеждению в невинности обвиняемого.

Совет считает своим долгом засвидетельствовать, что за все время пребывания в должности Князь А.Г. Гагарин, равно как и входящие в состав Правления деканы и профессор — заведующий студентами, выполняли лежащие на них обязанности в полной солидарности с Советом института, прилагая все усилия к тому, чтобы не только обеспечить нормальное течение учебных занятий, но и поддерживать порядок и спокойствие в стенах общежития. Если, однако, порядок в общежитиях оказался нарушенным отдельными лицами, то они и должны нести ответственность за эти нарушения.

Совет же, с своей стороны, считает долгом заявить, что он признает безусловно недопустимым обращать избранных им представителей в деятелей полицейского сыска и может управлять Институтом лишь на основе полного доверия к учащейся молодежи.

Положить: Изложенное в сей статье мнение Совета сообщить Его Высокопревосходительству Г. Министру торговли и промышленности*.

*Ст. 2. Предложение Г. Председательствующего обсудить вопрос о том, не следовало ли бы, ввиду затруднительности положения, созданного увольнением от службы Директора института — Князя А.Г. Гагарина, ходатайствовать перед Г. Министром торговли и промышленности о временном приостановлении учебных занятий в Институте.

После обмена мнений единогласно было восстановлено: ходатайствовать перед Г. Министром торговли и промышленности о приостановлении учебных занятий в Институте до 12-го сего марта.

Положил: ходатайствовать перед Г. Министром торговли и промышленности о приостановлении учебных занятий в Институте до 12-го сего марта*.

*Ст. 3. Предложение Г. Председательствующего приступить к подаче письменных заявлений о кандидатах на должность директора Института.

При подаче письменных заявлений, кандидатом на должность директора Института

единогласно был предложен Князь А.Г. Гагарин.

В заключение Совет поручил временно исполняющему обязанности директора Института представить копию сего протокола Его Высокопревосходительству Г. Министру торговли и промышленности.

Положил: произвести в следующем заседании баллотирование Князя А.Г. Гагарина на должность директора Института*.

Протокол № 10, от 3 марта 1907 года.

*Ст. 4. Предложение Профессора И.И. Иванюкова об избрании Князя А.Г. Гагарина почетным членом Института. (Предложение Профессора И.И. Иванюкова при сем прилагается).

“В Совете Санкт-Петербургского Политехнического института.

Имею честь сделать следующее заявление: “Князь А.Г. Гагарин, со времени основания Санкт-Петербургского Политехнического института и по день увольнения его от службы, отдавал Институту все свои силы, все свои помыслы и всей душой он заботился о его процветании. В этом своем стремлении он всегда являлся истинным представителем коллегияльной автономии, действуя, как исполнитель мысли и воли Совета и Правления. Направленная на благо Института неутомимая деятельность Князя А.Г. Гагарина, благородство его побуждений и сердечное отношение к учащейся молодежи не могли не вызвать глубокое уважение и признательности к нему как преподавательского персонала, так и студентов. Ввиду заслуг Князя А.Г. Гагарина перед Институтом, имею честь предложить Совету избрать его почетным членом Санкт-Петербургского Политехнического института”.

(Подписал: профессор Института — И.И. Иванюков).

Положил баллотировать в следующем заседании.

Протокол № 11, от 21 марта 1907 года.

*Ст. 2. Результаты баллотирования Князя А.Г. Гагарина на звание Почетного члена Института.

При баллотировании положено шаров: избирательных — 22 и неизбирательных — 0.

Положил представить Князя А.Г. Гагарина Г. Министру торговли и промышленности для утверждения его в звании Почетного члена Института*.

Выписки все заверены Делопроизводителем по Делам Совета и студенческим — В.П. Естифеевым.

(Окончание следует)